Сергей ТРИЩЕНКО

Универсальное СРЕДСТВО

@ЭЛИТА

12+

Сергей Трищенко

Универсальное средство (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7388557
Трищенко С. Универсальное средство. Сборник фантастических рассказов: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Вампир пронзённый шаржированный («Броб Дувион – борец с вампирами»), доллары на ножках («Живые деньги»), летающая тарелка («Ясным утренним днём»), метла-АКМ («… плюс милитаризация всей страны»), окровавленная опасная бритва («Опасная бритва»), банан с головой, ножками и ручками («Запах»)…

Рассказы порой парадоксальные, но все с хорошим чувство юмора и затрагивающие часто очень злободневные темы.

Содержание

Броб Дувион – борец с вампирами 4
Ошибка вампира 4
Вампиры в парке 8
Вампир со взломом 13
Неожиданная встреча 16
Короткая схватка 19
Комариная история 22
В этом мире хочется жить 24
Глобальный сервис 26
Кривые спины 29
Небесная твердь 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Сергей Трищенко
Универсальное средство (сборник)

Броб Дувион – борец с вампирами (повесть-мозаика)

Ошибка вампира

Знакомство наше не было случайным – случайностям нет места на этом свете, управляемом неведомыми людям законами, незнание которых и заставляет их делать вывод о том, что нечто происходящее – случайно. А нас потянуло друг к другу – вы знаете, есть такие моменты, подобные любви с первого взгляда, когда человека неудержимо тянет к себе подобному – безразлично, мужчина это или женщина. Просто привлекает, приманивает к себе весь комплекс ощущений – внешний вид, манера держаться, жесты, слова, запах… Одна, казалось, незначительная фраза, брошенная вскользь, в пустоту, заставляет пристальнее всмотреться в человека и сразу же понять и принять его. Есть люди, к которым мгновенно чувствуешь симпатию – особенно если они стараются её вызвать…

Нечто подобное произошло с нами у книжного развала – коробейники как раз вывезли новый товар. Не помню, кто первый сказал ту волшебную фразу, сразу установившую между нами незримую связь, не помню саму фразу – всё сразу ушло и забылось. Мы шли и разговаривали, как будто знали друг друга много-много лет.

Он купил «Вампирскую сагу» – из серии дешёвых "олитературиваний" фильмов, я – Азимова.

Мы шли по улице и беседовали, споря. Каждый защищал своё: я – фантастику, он – литературу ужасов, но говорить было необыкновенно интересно, ведь главное – не в содержании беседы, а в ней самой.

– Фантастика – это тип литературы. Вся литература делится на реалистическую и фантастическую, – рассуждал я.

– И литературу ужасов, – вклинился он.

– Фантастика бывает историческая, современная, сказочная, научно-техническая… даже документальная…

– То же можно сказать и о литературе ужасов – действие может происходить в прошлом, настоящем…

– Ты имеешь в виду уголовную хронику? Но это же не литература! И потом – ты не продолжил: в будущем. У литературы ужасов нет будущего – она никогда не описывала будущее. Те ужасы, что построены на фантастическом сюжете – всего-навсего плохая фантастика. Ужасы – они ведь идут от неясных страхов подсознания, оставшихся с тех времен, когда человек был неразвитым, пользовался каменным рубилом и всего боялся.

– Не совсем так. Чего бояться, если в руке – рубило? Страх возникает, когда мозг развит до той степени, когда способен ощущать тот потусторонний мир, что находится совсем рядом с нашим, и иногда с ним взаимодействует.

– Параллельный мир? Значит, это – фантастика. Что и требовалось доказать: фантастика настолько широка, что включает в себя и литературу ужасов.

– Многие фантасты писали ужасы, – согласился он. – Если хочешь – зайдём ко мне, я дам тебе одну книгу…

Квартира свою он обставил необычно – в прихожей, словно пародируя Ильфа и Петрова, стоял скелет – очевидно, купленный в магазине учебных пособий, хотя скорее всего, в комиссионке: уж очень выглядел старым и жёлтым. Под потолком, расправив крылья, висело чучело летучей мыши. На шкафу, нахохлившись, сидел филин – наверное, тоже чучело. А с засохшего ствола дерева, прикреплённого к стене и образующего с ней нечто вроде диорамы дремучего леса, по которому цепочкой шли волки с горящими глазами – фотообои смотрелись на редкость реалистично, – свешивалась змея. Угол комнаты затянула сетка паутины, в центре которой чёрным пятном темнел огромный мохнатый паук с белым восьмиконечным крестом на спине.

Основное место в комнате занимали книжные полки, имитированные под гнилое дерево, поросшее мхом и лишайниками. Корешки книг пестрели кладбищенскими атрибутами и словами, взятыми из "Антологии нечистой силы" – с незначительными добавлениями общеупотребительных слов.

– Тебе нравится бояться? – спросил я.

– Меня больше интересует теория страха, – ответил он. – Чего вообще боятся люди.

– Мне казалось, что страшное интересует лишь в определённом возрасте, – попытался уколоть я его.

– Я в детстве тоже одну фантастику читал, – парировал он.

Вдруг погас свет.

– Авария, – пробормотал он. – Подожди, зажгу свечу, – и удалился на кухню. В темноте комнаты светились парные точки: глаза филина на шкафу, глаза змеи на дереве и глаза волков на картине.

– Мне нравится сидеть вот так, – он появился на пороге и в трепещущем пламени свечи выглядел особенно мрачно, – в полумраке, когда углы полны неясными тенями, и неизвестно, что может выползти оттуда…

Я пожал плечами:

– Ты боишься темноты?

Он чуть помедлил с ответом.

– Нет, не боюсь… Но мне становится так странно, будто я – уже не я, а какое-то иное существо. Не человек… – он замолчал, присаживаясь на ручку кресла.

– Знаешь, мне тоже иногда так кажется. По-моему, это от неудовлетворенности реальностью – хочется уйти в какой-то иной мир, пусть даже выдуманный. Мне – в мир фантастики, тебе – в мир вампиров…

– Зачем мне уходить в мир вампиров, когда я пришёл оттуда? – глухим голосом произнёс он, и встал, нависая надо мной и меняясь самым устрашающим образом: зловещая ухмылка исказила губы, в глазах появился красноватый блеск – или то отражалось пламя свечи?

– Ты думаешь, я позвал тебя, чтобы поспорить о литературе? – он монотонно засмеялся. – Я хочу съесть тебя! – И протянул ко мне левую руку, из которой быстро вырастали когти, острые и кривые.

– Бытие определяет сознание, – пробормотал я, откидываясь на спинку кресла. Или сознание определяет бытие? Был ли он вампиром на самом деле, или превратился, начитавшись всего этого?

– Мы живём тысячи лет и всегда одерживаем над вами победу, – дикция его немного ухудшилась из-за вырастающих изо рта острых клыков, – жалкие людишки!

– Выбирай выражения, – поостерёг я, – шепелявишь. Поменьше шипящих!

Но я не успел вскочить с кресла – если бы не захотел, конечно. Испускал ли он какие-либо парализующие волны, или надеялся на свою быструю – не скрою, очень быструю –

реакцию, – но я ничего не чувствовал. Просто остался сидеть, пытаясь сосредоточиться на своих ощущениях. Нет ли во мне какой-то жертвенности? Или правы те, кто утверждает, что в любом человеке изначально заложена тяга к смерти? Почему безропотно стоят у стенки расстреливаемые? Неужели парализует страх? Или тут что-то иное?..

Одним прыжком он перемахнул разделявший нас журнальный столик, повалив свечу. Она погасла. Но необходимость в ней отпала: я услышал его тяжёлое дыхание у своего левого уха (Тысяча лет! В его-то возрасте – и такие прыжки!). Почувствовал, как когти впиваются мне в плечи, прижимая к креслу – и отвернул голову, чтобы его зловонное дыхание не попадало в лицо. "Пользуется ли он зубной пастой? – промелькнуло в голове. Было противно, но я знал, что скоро всё кончится.

Он заурчал довольно и наклонился ещё ниже. Его острые челюсти сомкнулись на моей ничем не защищённой шее, пронзили её…

И в его алчущую тёплой человеческой крови глотку из моего прокушенного горла хлынула тёплая струя машинного масла…

Вспыхнул свет – очевидно, повреждение на линии устранили.

– Какая гадость! – вампир отвалился от моей шеи и налитыми кровью глазами посмотрел в мои ничего не выражающие холодные глаза.

Литра полтора, по моим подсчетам, он успел высосать – очень уж был голодный, да и давление в резервуаре поспособствовало. Чтобы не вылился остаток, я прижал сонную артерию в известном месте, склеив стенки.

– Напился? – холодно спросил я, поднимаясь с кресла.

– Кто ты? – он с изумлением смотрел на меня, но не двигался. Вот и хорошо – чем позже шевельнется, тем лучше. Там ведь не одно масло, и пока присадка из азотнокислого серебра подействует, обездвиживая его… следовало потянуть время. Я опасался, что с ним будет тяжеловато справиться – вон какой крупный, а вампиры обычно и очень сильны.

– Кто я? Боевой робот для уничтожения вампиров и остальной нечисти, – отчеканил я. – Сокращённо – Броб Дувион. Так меня зовут. Пришёл твой конец, кровоупийца. Довольно попил человеческой кровушки. Тысячу лет, говоришь? Хватит!

Он попытался засмеяться, но как-то неуверенно. Его скрюченные лапы с кривыми когтями судорожно задвигались.

– Нет, я так просто не сдамся! – прошипел он. – Ты ещё не знаешь, на что я способен!

– Мой создатель вложил в меня массу сведений о вампирах, упырях, кадаврах, вурдалаках, вервольфах, призраках… и о прочей нечисти. Не знаю, – печально покачал я головой, – можешь ли ты сообщить мне что-либо новое? – И, чтобы у него не осталось ни малейшего сомнения в предопределенности того, что сейчас произойдёт, я, скрестив перед собой кисти рук и освободив застёжки, снял защитный слой кожи, словно перчатки.

Блеснула сталь. О, как они нравятся мне, сверкающие стилеты, которые появляются в этот момент вместо пальцев! Острые тонкие лезвия, блестящие полированным металлом – я буквально влюблен в них. В такие моменты меня охватывает особенное чувство: я не просто машина, не просто орудие мщения, инструмент, подобный ножу хирурга, но сам хирург, причём высшей квалификации: Творец, Мыслитель, Боец! С этого момента для обнаруженной нечисти начинается обратный отсчёт времени, и её паскудное существование неизбежно пресечётся в точке "ноль".

Он с ужасом уставился на мои руки – взгляд давал красноватый отсвет на лезвия. Конечно, зрелище не для слабонервных, но тут таких не имелось.

Я пошевелил пальцами. Алые блики заплясали на полированной поверхности, бросая острые лучики света на потолок и стены.

Он взвыл и бросился на меня. Поздно! – это стало началом его агонии. Острые стилеты пальцев встретили тело на лету и без сопротивления вошли глубоко в грудь – я лишь чуть качнулся назад. Он недоумённо посмотрел на мои кисти, потом перевёл взгляд на лицо, и кривая усмешка, которую всё же исказило болью, покорёжила и без того кривые черты.

– Я… ещё… жив… – прошипел он.

– Вижу, – кивнул я, – но это ненадолго.

Я предусмотрел всё – каждое последующее движение было нелишним. Оставив левую руку в его груди, только сжав пальцы, чтобы не вырвался, я опустил правую вниз, подивившись попутно на неестественно яркий зелёный цвет его крови – или лимфы? – я слабовато разбираюсь в метаболизме вампиров – и вынул из-за пристёгнутого к правой лодыжке ремешка остро отточенную осиновую палку-кол. Перехватив поудобнее, я всадил ему кол в сердце с полного размаха. Он вскрикнул, захрипел и замолк, сунувшись лицом на журнальный столик, попав носом в свечу.

Я вышел в ванную, вымыл руки, собрался, внимательно осмотрел комнату и вышел, оставив на столе визитную карточку: "БРОБ ДУВИОН – борец с вампирами".

Меня ждали новые дела.

Вампиры в парке

Тёплым летним вечером я шагал по слабо освещённой парковой аллейке и мелкие привидения, стайками порхающие в воздухе, стремительно втягивались под моё левое колено, едва я проходил мимо. "На всякий случай, – думал я, – пока их никто не увидел и не испугался. А заодно проверю, как работает ловушка. Хорошо ещё, если их примут за ночных мотыльков, а если кто-нибудь внимательнее присмотрится?..

Впрочем, смотреть – а тем более присматриваться – было некому. В такое время, при такой погоде даже энтомолог – если не совсем засушенный сухарь – забудет о своих мотыльках, и будет просто ходить по аллеям, наслаждаясь тишиной и теплотой ночи, помахивая сачком и улыбаясь.

Ночь была тёплая, как котята – много-много котят, в них хорошо зарыться полностью, и они так приятно ласкают лицо, и руки, и шею. Да – как котята: впечатление моё от ночи было именно такое.

Немногие приходили в парк работать – милиционеры, продавцы пирожков и напитков, – да и те отдыхали, радуясь, что могут совместить чудесную ночь и работу. Радовался и я, потому что попутно занимался основным делом: ловил вампиров.

Вампиров вокруг летало видимо-невидимо. Можно сказать, кишмя кишели. Нет, я, конечно, предполагал, что летний парк с гуляющими людьми и тёмными закоулками притягивает вампиров, как магнит – железо, как Земля – всех нас, как огонь – взгляд. Или, скажем, как вода – взгляд. Бегущая вода, я имею в виду, водопад.

Но чтобы их оказалось настолько много!.. Они окружали меня со всех сторон и чувствовались очень близко. Что делать? Может, они узнали, кто я, и хотят разделаться со мной? Но где же они? Почему я их не вижу? Они что, все бестелесны?

Оглядевшись по сторонам, я понял причину ошибки: комары. Это они давали сильную наводку на мои вампирорецепторы. Тоже ведь кровопийцы. Необходимо срочно уменьшить чувствительность ДПВ – датчиков присутствия вампиров, – которые внешне воспринимались на голове, как модная прическа. А когда она встанет дыбом…

Повернув регулятор, я почувствовал, что сразу стало легче. Но не на долго. Потому что хотя осталось всего два отсвета – "горячие точки" – во всём парке, я как бы видел его весь в плане, сверху, – но одна из них слабо пульсировала: верный признак того, что вампир уже пьет кровь.

"Может, успею? – подумал я и рванул напрямик, перепрыгивая кусты и отбрасывая руками то, что можно отбросить: ветки деревьев. Они трещали, и в отместку хлестали меня по лицу. Листья зелёной круговертью разлетались позади, словно смерч, пересекая круги фонарей. Спирали теней сопровождали их до встречи с землей.

Ещё один прыжок – и я увидел чёрный плащ, со спины. Мне повезло: я выбрал верное направление. В таких случаях к вампиру лучше подходить сзади, чтобы он как можно дольше тебя не заметил. "В такую жару – и плащ? – подумал я. Но вампир уже поворачивался ко мне – наверное, услышал треск кустов, да и мудрено не услышать, – и выпуская девушку из объятий. На шее у неё пламенела алая ранка – успел заметить я. И тут он взлетел: распахнул огромные кожистые крылья, как у гигантской летучей мыши, которые я поначалу принял за плащ – и поднялся в воздух. Как же он увлёкся жертвой, высасывая кровь: даже крылья выпустил от удовольствия, не побоялся, что кто-то увидит его в таком состоянии. Впрочем, место он выбрал, наверное, самое укромное во всём парке.

Я не успел схватить его за ноги – он сразу подскочил метра на три. Я прыгнул следом, но лишь чуть-чуть зацепил рукой по ботинку. Но у меня имелись и другие средства. Мой толчок слегка качнул его, но он почти сразу выпрямил полет, хотя и шёл тяжеловато – то

ли успел насосаться как следует, то ли возраст уже не тот. А может, практики полетной не хватало.

Упускать его нельзя. Мало того, что вампир – летающий, да к тому же успевший попить человеческой крови; это ненасытившийся вампир, а значит, этой же ночью он будет опять искать себе жертву.

Одновременно, синхронными движениями обеих рук, я оторвал себе уши, и, сильно размахнувшись, послал вслед улетавшему – до него было пока что не более двадцати метров, – замаскированные "звёздочки", сюрикены. У меня нет проблем правой или левой руки: обеими я действую одинаково хорошо и точно, а "звёздочки" – самое эффективное оружие против перепончатых крыльев.

Вращаясь, как пропеллеры – мне показалось, я услышал звенящее гудение – сюрикены надрезали тонкую плёнчатую оболочку крыльев, пересекли сопряжения суставов и вонзились точно в локтевые сгибы. Вампир смог сделать всего один взмах – только один, потом крылья лопнули – и он рухнул на землю, ломая кости и пальцы. Когда я подбежал к нему, он силился встать, опираясь на лохмотья крыльев. А дальше… осиновый кол погасил ненавидящий взгляд и прервал гнусное существование летучей твари.

А потом я выполнил ещё одно неприятное действие – мне требовалось узнать, сколько крови он успел выпить. Получалось, не более литра. Он, наверное, смаковал, тянул удовольствие. К сожалению, я не мог перелить её обратно девушке: кровь успела перемешаться с желудочным соком.

Наскоро отмыв руки в пробегающем неподалёку ручейке, я вернулся на полянку. Девушка лежала без сознания, белизна заливала лицо, она едва дышала. Ранка на шее чуть кровоточила, однако опасности для здоровья не представляла: кровь начинала сворачиваться.

Я осторожно поднял девушку и перенес метров на пятнадцать левее – на скамейку в аллее. Не надеясь, что кто-то найдёт её здесь и вызовет врача, я включил рацию – она располагалась у меня в языке – и сам связался со "скорой помощью".

– Нападение вампира. Большая потеря крови. Срочно высылайте бригаду. Поиск по пеленгу, – я оставил на скамейке рядом с девушкой микрорадиомаяк, а сам отправился на поиски второго вампира, который оставался в парке. Этот ещё не активизировался, значит, отыскать его будет сложнее.

У меня перед глазами словно появилась карта парка – где-то в глубине мозга на втором плане – и на ней светящимися точками обозначались места обнаружения вампиров. Первую точку я погасил, уничтожив вампира-летуна. Вторая точка перемещалась. Медленно-медленно, тем лёгким прогулочным шагом, каким и полагается идти в тёплый летний вечер, а потом и ночью, пока не наступила утренняя прохлада. А куда спешить, особенно если у вас в руке другая рука, такая нежная и манящая…

"Кто из двоих? – думал я. – Парень или девушка?"

Я шёл позади, опасаясь, как бы меня не заметили, но прятаться не мог: такое поведение показалось бы ещё более подозрительным, а нападение могло свершиться в любой момент. Конечно, в обычном случае я бы успел подбежать, но… вдруг это Супервампир, убивающий мгновенно? Я ещё не научился распознавать их, мне такие не встречались, но я знал, что они существуют. Ах, если бы я сразу видел глазами, кто вампир, а кто нет! А шестое чувство… Оно всегда обманчиво.

Девушка слегка оглянулась, потом что-то шепнула парню. Конечно, если бы я шёл не один, а в составе такой же пары, никто не обратил бы на меня особого внимания. А тут… Разумеется, моё поведение было подозрительным.

Парень оставил девушку, повернулся и пошёл ко мне. Я остановился. Точка на моём внутреннем экране тоже стояла. Вампир – она!

– Слушай, чего ты идешь за нами, получить хочешь? – парень был настроен явно агрессивно.

– Твоя девушка – вампир, – тихо ответил я. Но он не отреагировал.

– Чего? Ты что – псих? Иди отсюда, пока цел.

– Дурак, она же сожрёт тебя, – пытался продолжить я воспитательную работу, не повышая голоса. Но парень не воспринимал.

– Не понял, что ли? Вали, говорю, отсюда!

Я пожал плечами, развернулся и пошёл прочь, одновременно третьим глазом наблюдая за происходящим сзади. Парень дурак, раз не понял. Но и дураков надо спасать – человек всё же. Для того я и создан. Можно, конечно, нейтрализовать его, но я опасался, что пока буду с ним возиться, вампиресса скроется.

– Сумасшедший какой-то… Я боюсь, – это она.

Он взял её под руку. Слышно было неплохо – особенно когда стараешься услышать. А я старался.

– Пойдём ко мне, – это он.

– А далеко?

– Да нет, рядом.

– Ну, хорошо, пусть это будет сегодня.

Ну, ещё бы! В ожидании такого разговора, а тем более предстоящего события, разве станешь обращать внимание на шёпот первого встречного? Вот он меня и не услышал. Ладно, прощу ему глупость. Чем только она обернётся для него?

Точка вдруг пропала – она сумела притушить свои вампироэмоции, и теперь выглядела простой девчонкой, согласной уступить в первый раз любимому человеку.

Которому на самом деле грозила серьёзная опасность.

Больше в парке вампиров не нашлось – или они не собирались активизироваться сегодня, очевидно, тоже отдыхая. В любом случае это удача для меня – можно сосредоточиться на ушедшей даме-вамп, которую так неосторожно хотел защитить от меня этот юнец. Интересно, что бы он сказал, когда узнал бы, что на самом деле ей лет двести-триста? Но, может, я и ошибаюсь, она – из новых? Но притушить себя после активизации!.. Тут требуется колоссальный опыт и неплохой жизненный стаж. А выглядит – как семнадцатилетняя девчонка. Мимикрия…

Я приблизительно заметил, куда они ушли – подсматривая, прячась за кустами (а что делать? И не на такое приходится идти). Но потом они вступили на площадь, и пришлось остаться на месте, в кустах, чтобы не привлечь внимания. Зато увидел, как в парк проехала "скорая помощь", пусть без мигалки и сирены, зато достаточно быстро. Молодцы! Девушку наверняка спасут.

Теперь можно идти, но впереди, на улице, уже никого не было – они свернули в какой-то двор. Действительно, очень близко. Кому-то повезло. Больше всего – мне.

Я шёл медленно, ожидая, не вспыхнет ли где на моей мысленной карте точка, но хотелось бежать. Вампиров такого ранга нельзя надолго оставлять наедине с жертвами – небезопасно для жертв. Был бы у меня нюх, подобный собачьему… А что, мысль! Надо подсказать моему создателю…

Точка затеплилась и начала разгораться, набирая силу. Где-то здесь…

Я осмотрел тёмную громаду здания с кое-где освещёнными окнами. Какое из них? А может, они вообще не зажигали свет? Да нет, должны – не тот случай, хотя…

Я почувствовал, что сомнения замучают меня, и решил действовать. Вертикаль-то я выбрал правильно – стоял сейчас прямо под точкой, но на каком уровне, на каком этаже она

находится? Определить точно не удавалось. А вдруг это и не она? – ударила мысль. Если ещё какой-то вампир, другой? Пропал тогда парень…

Но других источников в округе, кажется, не наблюдалось, – я ещё раз тщательно осмотрелся. Ну, попробуем – я выбрал наудачу балкон на шестом этаже, в окне которого слабо горел свет – от настольной лампы или бра. Потом, выбросив вверх руки и напрягши ноги, сделал глубокий вдох… Бесшумно заработали компрессоры, нагнетая в пневмоцилиндры плеч и бёдер сжатый воздух. Те, медленно распрямляясь, понесли меня и мои руки вверх, к балкону, за стеклом которого горел свет лампы, а также полыхал невидимый огонь адской жажды. Жажды крови.

– Как бабочка на огонёк, – подумал, а может, сказал вслух я. Мои пальцы уцепились за поручень ограждения, и пневмоцилиндры принялись сокращаться, выпуская воздух с тонким свистом.

– Как четыре флейты, – снова подумал я, перелезая на балкон в нормальном человеческом облике, – симфония мести.

Балкон был именно тот, что нужно. В приглушённом свете регулируемого бра я увидел примерно ту картину, какую и ожидал: обнажённый, парень полулежал, откинувшись на спинку дивана, а она склонилась над ним и жадно пила кровь из шеи.

Медлить нельзя – если уже не поздно. Одним взмахом рассадив дверное стекло, я влез внутрь.

Она стремительно повернулась ко мне – из рта стекала струйка крови. Но это не портило её. Как не портили вылезающие из полуоткрытого рта острые клыки – напротив, они придавали особую пикантность её красоте. А как она была красива! Копна коротко подстриженных чёрных волос, огромные блестящие глаза, прямой нос, правильный овал лица, шея, плечи, руки, фигура… Она была совершенно нагой, и нагота её была совершенна.

Да, если бы я был не роботом, а настоящим, нормальным, обычным человеком, а она – не вампиром, а обыкновенной женщиной, то был бы счастлив, если бы она стала моей. Но, к сожалению, всё обстояло с точностью до наоборот. В обоих случаях.

Парень был пока что жив, и даже улыбался. Хотя голову поднять не мог, и ситуацию уже не оценивал. Да, вампиры позволяют умирать приятно, даже доставляют удовольствие своим жертвам, убивая.

Из прокушенной шеи струилась кровь.

А она… она никак не могла взять в толк, кто я такой – за все века существования ей не приходилось сталкиваться с роботами (А вам часто приходилось? Вот и представьте ситуацию), – попал в квартиру с балкона… Может, грабитель?.. – должно быть, примерно таков был ход её мыслей. Она ведь не знала, что я не человек. А человек не смог бы устоять перед её чарами – даже в такой двусмысленной ситуации. Ну, мало ли что могло случиться с пареньком на диване. А тут – такая женщина… Секс-символ эпохи.

Она улыбнулась, чуть засмущалась, сделала руками жест, будто хотела прикрыться, но потом передумала – и шагнула ко мне. И протянула руку.

Я схватил её правую руку своей левой и потянул к себе. Она, ослепительно улыбаясь – кто бы устоял перед такой улыбкой? – но как бы не желая сдаваться сразу – схватила меня за кисть правой. И тем помогла снять кожу. Блеснула сталь. Пять острых стилетов возникли перед её глазами. Улыбка сразу перешла в оскал – на отточенную сталь все вампиры реагируют одинаково, – но я не стал продлевать её испуг, а с сожалением вонзил все пять лезвий по самый сустав под левую грудь – такую тёплую, полную, правильной формы, чуть подрагивающую… и дальше – в сердце.

Хлынула нестерпимо чёрная кровь. Левая моя рука скользнула к правой лодыжке и выхватила из потайного колчана остро заточенную осиновую спицу. Стрелу. Кол.

Не желая выпускать вампиршу – пусть я держал её пронзённое сердце своей стальной пятерней, но то ещё не была полная смерть: я опасался, что без серебряной пули не обойтись – я крутанул её вокруг оси, и, прижав к себе, вогнал осиновый кол под левую лопатку. Он прошёл сквозь сердце, раздвинув мои пальцы. Она упала и замерла. Я проверил: мертва.

Не мешкая, я приступил к последней процедуре, которую должен совершить. От успешного проведения могла зависеть жизнь незадачливого хлопца. Почему-то у женщин-вампиров высосанная человеческая кровь сохраняется дольше, чем у мужчин-вампиров, не сворачиваясь. Она даже поступает первоначально не в желудок, а… впрочем, анатомические особенности не всем интересны. Очевидно, это связано с необходимостью кормления детёнышей-вампиров свежей кровью, но точно не знаю. Как бы то ни было, её особенность давала парню шанс.

Всё оборудование для переливания крови я имел под рукой – в буквальном смысле: я таскаю его в сумке под мышкой. Да и что за оборудование – так, почти стандартная капельница. Я поставил её, наладив, как положено, и удалился. По лестнице. Предварительно, конечно, вызвав к нему "скорую помощь", тщательно вымыв руки и со вздохом оставив на полу, возле убитой вампиressы, визитную карточку: "Броб Дувион – борец с вампирами".

Вампир со взломом

Из парка я возвращался уже под утро, на сегодня больше не ожидая никаких приключений – вот-вот должны пропеть первые петухи, и ни один уважающий себя вампир, не говоря об остальной нечисти, просто не начал бы затевать ничего, заведомо зная, что начатое довести до конца всё равно не получится. Только крови себе попортишь, а чужой попить не удастся.

Улицы выглядели тихими и пустынными, свет редких фонарей проваливался в воссоздаваемую ими из мрака зелень листьев. Мошкара кружилась под лампами в безуспешных попытках пробить стекло. Звук моих шагов плотно вплетался в шелест листьев, колышимых ночным зефиром, создавая неповторимую симфонию Одинокого Прохожего.

И вдруг меня словно что-то толкнуло в грудь: я остановился, будто поднявшиеся на моей голове вампирорецепторы создали такое сопротивление воздуха, что стало трудно идти. И тут же где-то в глубине сознания затеплилась точка, означавшая, что неподалёку находится вампир.

Точка странным образом сассоциировалась с лампой, приглушённо горящей в окне второго этажа того здания, мимо которого я как раз проходил. Лампа явно настольная, но сейчас наверняка стояла на полу, причём у дальней от окна стены. А точка пульсировала: вампир насыщался. В такие минуты я забываю обо всём – неудержимая сила хватает меня и тянет, влечёт, мчит к бессовестно распоясавшемуся вампиру, жадно глотающему кровь несчастной жертвы.

Я взбежал по ступенькам.

И остановился.

Дверь стояла открытой. Но не это смутило меня и заставило замереть в неподвижности и недоумении. И не вывеска, висящая у дверей – как принято во всех государственных учреждениях. Верхняя её часть скрывалась в тени наддверного козырька, но на нижней читались слова: "…станция переливания крови". "Наверное, вампир напал на сторожа, – пронеслось в голове. Я знал, что сторожами обычно работают либо пенсионеры (но этот вариант отмел сразу, вообразив себя Шерлоком Холмсом), либо студенты вузов. "Наверное, вампир в облике хорошенькой девушки подошёл к двери, постучал и вызвал сторожа: тот открыл, в надежде хорошо провести время, а потом…" – И не эти дедуктивные рассуждения остановили меня – их можно делать и на ходу. И не странное поведение светящейся точки в сознании – она не двигалась, но временами как-то странно вспыхивала, что следовало принять за пульсации (что я и сделал). Я не мог понять: то ли он закончил своё кровавое дело, то ли продолжает сосать, но как-то извращённо. Ничего подобного мне пока не встречалось.

Меня остановила летучая мышь.

Как раз тогда, как я занимался дедуктивными построениями, когда недоумевал по поводу нестандартного поведения вампира и изо всех сил напрягал вампирорецепторы, пытаясь разобраться, что же передо мной, летучая мышь пронеслась над моей головой и врезалась во вставшие дыбом волосы – приёмники вампироизлучения. Врезалась, перекувырнулась, восстанавливая равновесие, и исчезла во мраке. Точка сразу погасла: картинка исчезла.

Сначала я немного возгордился: надо же, какие у меня волосы – как настоящие, летучая мышь не различает (а ультразвуковой сигнал мышей не отражается от человеческих волос, они для ультразвука прозрачны), а потом спохватился: а простая ли это летучая мышь? Что, если она – сообщник вампира? И решительно вошёл внутрь вестибюля.

Здесь царила тишина и простор. Спокойный мягкий свет фонарей легко дробился на цветной мозаике витражных окон, бросая на пол дымчатые радужные тени. Бесшумно сту-

пая лапками, из темноты коридора появилась бледно-розовая кошка – окрашенная оконным светом. Увидев меня, она остановилась и слабо, просяще, мяукнула.

Напрасно я вслушивался в звенящую тишину станции: ни единого звука не доносилось ни с одного из трёх этажей. Приходилось идти наудачу: летучая мышь сбила наводку полностью. Я не ощущал, где вампир, помнил лишь, что точка светилась где-то наверху: на втором или третьем этаже.

Медленно-медленно, стараясь не поднимать ни малейшего шума, ни пыли с давно не убиравшейся ковровой дорожки, застилавшей лестницу, я принялся подниматься на второй этаж. Кошка, блеснув зелёными фосфоресцирующими глазами и постоянно меняя цвет, по мере того, как пересекала всё новые и новые тени от витражей, пошла за мною следом.

"Ещё один сообщник? – промелькнула мысль. – А я даже не могу проверить… А вдруг она и есть вампир? Или оборотень. Как жаль, что нет дублирующих вампирорецепторов… Убить её? Жалко – если она настоящая кошка. И можно привлечь внимание вампира. Нет уж, надо немного подождать, поискать его".

Коридор на втором этаже выглядел столь же пустынно, как и на первом, только более тёмным. Свет проникал только сквозь стеклянные проёмы над дверьми. Я медленно двинулся вдоль ряда дверей, осторожно проверяя каждую. Они были закрыты.

"А что, если он закрылся изнутри? – снова мелькнула мысль. – Тогда придётся ждать на лестнице… Не взламывать же каждую. А если он улетит? Раскроет окно – и улетит? Не посмотрит на то, что с зимы не открывались. Но тогда я услышу…"

Сомнения продолжали мучить меня, пока я бесшумно двигался по коридору второго этажа, методически нажимая на дверные ручки и пытаясь толкнуть двери. Обойдя коридор по часовой стрелке, я вернулся на лестницу. Кошка продолжала ждать здесь, спокойно помаргивая и поводя усами. Что ей нужно? Я махнул в ту сторону ногой, но кошка не убежала, а лишь крепче вцепилась в дорожку, выпустив когти. Я осторожно обошёл её и начал подниматься на третий этаж.

"А если и тут все двери закрыты, что делать? – сомнения вновь вернулись ко мне и исчезли, едва я ступил в коридор. Одна из дверей – справа – стояла полуоткрытой, и лунный свет, а может, свет фонарей, косо падал в черноту коридора, указывая дорогу. "Словно лунная дорожка на море, – подумал я, устремляясь по ней к двери, из которой доносилось слабое сопение, бульканье и причмокивание.

Стремительно распахнув дверь, я ворвался в кабинет. И замер. Того, что я ожидал увидеть – распростертую безвольно на полу жертву и склонившегося над ней вампира – не было. То есть вампир был. А вот жертвы не было. Вампир сидел, привалившись к стене, и лакал из пластиковой упаковки тёмную жидкость. Кровь? Ах, да, консервированная, да ещё лунный свет…

Живот вампира сильно вздулся, и не менее десятка таких же упаковок, какую он держал в руке, только пустых, лежали вокруг, указывая причину вздутия.

– Ах, ты, паразит! – произнёс я, доставая последний осиновый кол. Вампир окосело посмотрел на меня, и забарахтался, пытаясь подняться. – Ты знаешь, сколько она стоит? – наступал я. – Ну и лентяй же ты. Нет, чтобы заниматься прямым делом… и мне бы приятней было…

Я не стал ожидать, пока он поднимется, и не нужен мне был его ответ: мне всегда не нравились фильмы, в которых главный герой, вместо того, чтобы уничтожить врага, вступает с ним в полемику, теряя драгоценное время. Другое дело – зубы заговорить…

И я наклонился над вампиром и сделал разящий выпад.

"Сколько добра пропало, – думал я, озирая разгром и бросая на труп визитную карточку. Потом, повинуясь какому-то смутному ощущению, нагнулся и поднял с пола недопи-

тую упаковку с консервированной кровью. Вампир прокусил её одним зубом, поэтому кровь не вылилась: видно, ему нравилось смаковать, посасывая. Видал, сосун какой!

Поискав глазами в стоящем неподалёку стеклянном шкафу, я достал оттуда маленькую баночку с широким горлом, налил крови туда. Плотно завернув крышку, поставил баночку в сумку и вышел из кабинета. Спустился по лестнице – ковровая дорожка мягко поглощала звуки. Да я теперь и не берёгся – вампир был уничтожен.

В вестибюле всё оставалось без изменений – так же падали из окна разноцветные тени, так же всё выглядело пустынно и тихо. Одиноко висел на вешалке забытый кем-то белый халат, да стояли в углу мягкие тапочки, одна на другой.

Я вышел на улицу и плотно закрыл за собой дверь. Остановился на крыльце.

Кошки нигде не было видно.

Неожиданная встреча

На следующий день я снова вышел в парк. Сегодня народа стало больше, как обычно бывает перед выходными. Но основная масса, тоже как обычно, разошлась по домам задолго до полуночи, то есть именно до того времени, когда, снова как обычно, активизируются вампиры. Не знаю, почему так происходит, какие именно процессы проистекают в момент рождения новых суток – может, с этими родами всё и связано? – но после полуночи вампиры буквально звереют, и начинают проявлять истинную вампирочью сущность.

Но пока до полуночи оставалось довольно далеко – около полутора часов, а в чудно тёплый вечер, согласно закону физики о расширении разогретых тел, полтора часа могли тянуться и тянуться.

Темно между тем уже стало, и всюду зажигались фонари, словно на рождественской ёлке – поаллейно – как будто на одной аллее ночь наступала немного раньше, чем на другой. Впрочем, так оно и было – главные аллеи располагались меридионально, – хотя уловить разницу мог только я: человеческая реакция неспособна уследить за той микроскопической разницей во времени, которая отделяет момент загорания одного фонаря от другого.

Но вот фонари зажглись всюду. Ночь сразу набросилась на парк, подобно громадному одеялу, и повисла на фонарных столбах, прогибаясь между ними, но не касаясь земли. Пронзительно вели сольные партии хоры цикад. Неслышно проносились над фонарями летучие мыши, зажмуривая при этом глаза. Мошкара спасалась от мышей, прижимаясь к фонарным колбам и обжигая крылышки. "Между Сциллой и Харибдой", – подумалось мне.

По центральной аллее я успел пройти насквозь: вампиров не обнаружилось. Мои новые рецепторы – хвала создателю! – позволяли видеть нечисть в упор, глазами. От этого, правда, терялась пространственная ориентация системы дальнего поиска, и мне показалось, что оптимальным вариантом будет сочетание двух параллельных систем, тем более что место на голове оставалось вакантным. Мне всё равно, что носить: обычный парик, или вампирорецепторы. Это надо учесть на будущее, а сегодня приходилось методично обходить все аллеи в поисках вампиров, делая вид, что я просто гуляю.

Свернув на боковую аллею, пересекающую главную под острым углом, в самом дальнем конце я уловил красноватый отсверк – блеск глаз вампира. С обычным зрением я бы его не заметил… А с системой дальнего обнаружения на мысленном плане парке здесь бы светилась горячая точка…

Я шёл медленно, поглядывая по сторонам – как бы нехотя прогуливаясь и дыша свежим воздухом – и в то же время стараясь не выпускать из вида скамейку, на которой сидели два парня и две девушки. Но вампиром оказался только один, левый, ближний ко мне.

"Если они друзья, знает ли второй, что тот вампир? А если девушки подружки, парни могут и не знать друг друга, – думал я. – Вообще дружба человека с вампиром проблематична: сегодня друг, а завтра приспичило – и нет друга. Так что зря Лукьяненко старался…"

"Какой бы предлог придумать для начала разговора? – вычислял я. – Попросить закурить? Они вроде не курят, да и у меня сигарет нет…"

Но вампир сам помог мне. Очевидно, желая сострить, приподняться в глазах окружающих девушек, он достаточно громко произнёс, кивая на меня: "Одинокий троллейбус" – надеялся, видно, что я не стану "заводиться", видя, что их двое. Но я стал. И в упор посмотрел на него, выпятив нижнюю челюсть. Он поднялся, нагловато ухмыляясь – вампир обычно сильнее среднего человека, поэтому ему казалось, что повод для ухмылки имеется. И тут я решил показать киношный трюк, сработать на публику – не знаю, с чего вдруг потянуло на подобные эффекты.

– Девушки, – обратился я к ним, сунув руки в карманы, – знаете ли вы, с кем сидите на скамейке?

Девушки переглянулись, не зная, как реагировать на мои слова, и на всякий случай хихикнули.

– Не трогай девушек, – нахмурился он и шагнул ко мне. Остальное произошло почти мгновенно: моя правая рука выметнулась из кармана, сжимая пузырек с кровью, которую я набрал вчера на станции переливания (крышку я успел скрутить.), – и выплеснула содержимое ему в лицо.

Реакция вампира на кровь всегда однозначна и поразительна, а тут я плеснул прямо в глаза. И сразу же – мгновенно! – лицо превратилось в страшную морду: рот хищно перекосился, появились клыки – чуть не прорвав губы, – в глазах вспухнул красный огонь, видимый и обычным взором, пальцы скрючились и обострились когтями. Сузились шильцем и уши.

Всё произошло настолько быстро, что он и сам не понял происшедшей перемены – нет, он, конечно, почувствовал, что изменил вид, но поскольку превращение совершилось не по его желанию, на бессознательном уровне, инстинктивно, осознать не успел. И больше не успел ничего: не сопротивлялся, когда я резким толчком под правую руку развернул его лицом к скамейке, на которой пока ещё сидели девушки. Они увидели его морду и закричали. А в нём боролись два желания: броситься на девчонок, к чему он давно стремился, и к чему влекла вампирская сущность и обличье – и схватиться со мной, что хотел сделать, будучи человеком. Но борьба с самим собой, борьба двух сущностей, дала мне секундную паузу, которой я и воспользовался, вогнав ему под левую лопатку осиновый кол.

Девушки завизжали и бросились в разные стороны. Парень остался на месте, только побледнел и смотрел на происходящее округлившимися глазами.

– Давно его знаешь? – спросил я, сбрасывая обмякшее тело к ногам – оно шлёпнулось, словно большая мокрая тряпка, и недвижимо застыло.

– С-сегодня познаком-мились, – пробормотал он, – п-подруга пригласила…

– Угу, – больше я ничего не сказал. Бросил визитную карточку и ушёл.

"Тяжело работать скоро станет, – подумал я, – начнут на улицах узнавать… А без визиток нельзя…" Но я не сомневался, что подобного не произойдёт – я не политический деятель и не эстрадный певец. Если вампиры узнают, другое дело. Но пока никто из встреченных мной никому ничего не может сказать… А вообще-то интересно – связаны ли вампиры между собой, или каждый работает в одиночку? Каждую ночку – в одиночку… Сохранилась ли у них строгая иерархия – как в их вампирском королевстве?

Неясные воспоминания обеспокоили меня. Я вдруг увидел, словно наяву, мрачную тень высокого, будто бы рыцарского, замка, ночью, озаряемого слабым светом молодой луны и мелкими звёздами; скрипящий подъёмный мост, опускающийся к мутному рву на заржавевших цепях… Красноватый отсвет чадящих факелов в бойницах-окнах, какие-то длинные переходы по сырым низким коридорам со стенами из дикого камня, чуть ли не рычащего от собственной дикости, местами замшелого, а местами покрытого отвратительной плесенью.

Откуда вдруг выбрела эта мрачная картина? Из каких углов моей механической памяти? Воспоминание ли она о моём прошлом, о котором я ничего не помнил – потому мне и казалось, что я создан совсем недавно… да и много ли роботов существовало в средние века? – или, наоборот, о будущем, о котором я помнил ещё меньше? Меньше, чем ничего – представляете себе?

Я шёл бесцельно и бездумно, предаваясь неясным воспоминаниям, и в то же время вторая часть сознания продолжала работать. Именно она и зафиксировала непонятное шевеление за живой изгородью справа от аллеи, по которой я проходил – и сразу прыгнул в сторону. Кусты здесь выросли высокими, метра по два, и недостаточно редкими, чтобы за ними

можно было что-то хорошо рассмотреть. Там не то танцевали, не то дрались. Я просунулся поближе к кустам, выискал подходящий прогал и высунул голову.

И оторопел.

Два здоровенных вампира, одетых как эсэсовцы в фильмах про Штирлица – в чёрные лоснящиеся кожаные плащи (я всегда принимаю крылья за плащи, ну ничего не могу с собой поделать!) – нападали на маленькую стройную симпатичную девушку. А она ускользала от них. Они, пыхтя, с раскрасневшимися мордами, расставив руки, пытались схватить её, но она ловко двигалась, уклоняясь из стороны в сторону и уходила, казалось, в самый последний момент, так что длинная слюна с вампирских клыков напрасно падала в траву. Они чуть не запутывались в ней.

Я не бросился сразу на помощь только потому, что меня остановило её лицо: она улыбалась! Может, она – тоже вампир, и у них нечто вроде брачного ритуального танца, брачных игр? Может, так принято среди вампиров? Тогда я стал свидетелем редкостного зрелища!.. Но моё рецепторное зрение не видело в ней вампиршу – или же она умела хорошо маскироваться?

Я стоял, недоумевая, и не зная, что предпринять, как вдруг она остановилась – причём на равном расстоянии от обоих вампиров. Они одновременно кинулись к ней с разных сторон. И упали. У неё в руках синхронно стереоблеснули два стилета – сантиметров по тридцать длиной. Ещё одно неуловимое движение – даже для моих глаз! – и она заменила их на осиновые колья. Миг – и колья оказались там, где и положено быть, где им самое место – в сердцах у мерзких тварей.

И тогда я раздвинул кусты, и, широко улыбаясь, пошёл к ней навстречу, протягивая руки. Она насторожённо повернулась, отчего концы её коротко остриженных светлых волос описали красивый полукруг, но, увидев меня, сбросила напряжение и улыбнулась тоже.

– Броб, – сказала она, – ты здесь?

– Откуда ты меня знаешь? – удивился я. – Кто ты?

– Кто же тебя не знает, – весело сказала она, – неустрашимого борца с вампирами, одинокого героя, которому так трудно справляться с несметными полчищами ужасных монстров, врагов рода человеческого…

– Кто ты? – мягко прервал я её.

– Нели Рав, – просто представилась она, и спокойно расшифровала: – Нелинейный Робот – Анти-Вампир.

Я шагнул вперёд и бережно прижал её к себе. Теперь я был не один.

Короткая схватка

Вечерело. Я шёл спокойно по улице, и вдруг почувствовал, что кто-то пытается воткнуть мне в спину кинжал, причём несколько раз. И как он только не сломался? После пятого или шестого удара – а может, чуть раньше – я обернулся. Потный вампир, с бледными от страха глазами, держал дрожащими обеими руками кинжал, и пытался двинуть его ещё раз.

Какими же наркотиками его накачали, если он смог преодолеть естественный страх вампиров перед острой сталью? Может, дали выпить крови наркоманов или токсикоманов? А может, для этого имеются специальные средства?

Я не стал убивать его сразу – всё же первое покушение на меня. За ним явно ощущалось чьё-то присутствие, какой-то организации, которой выгодно меня уничтожить. Да, вампиры не работают в одиночку.

И я схватил его, выбил кинжал, отволок в сторону тщедушное тело и прижал к стене. Потом вытащил из кармана ляписный карандаш и сунул ему под нос:

– Знаешь, что это такое?

Глаза его стали совсем круглыми от ужаса:

– Серебро!

– Правильно. Азотнокислое серебро – учил химию в школе? Проведу тебе черту вдоль талии – и на два разделишься: голова с руками – в одну сторону, ноги с … – в другую. Говори: кто тебя послал?

– Магра…

– Кто такая?

– Властительница…

– Где её найти?

– Не знаю.

– Куда тебе приказано вернуться?

– Никуда. Сделал бы – меня бы нашли.

Налицо вырастал тупик – таким путём я бы никуда не добрался. И я решил зайти с другой стороны:

– Где у вас сборища?

– В старом саду.

Это было уже ближе, и я скомандовал:

– Идем туда.

Старый заброшенный сад чудом уцелел на окраине города в многочисленный стройках и перестройках. Они как-то миновали его – до поры до времени. Однажды эта земля попала в полосу отчуждения, и колхозу не стало до неё никакого дела, тем более что выращивали здесь "бормотушные" сорта, а тут как раз подоспела очередная антиалкогольная кампания… Да и городу недосуг стало осваивать новые площади – из-за катастрофической нехватки средств. Урожай же – какой вырастал самостийно – благополучно растаскивался как горожанами, так и колхозниками. Но такое шумное беспокойство царило в саду не более двух недель во время уборки, остальное время почти никого не было. И этот сад, значит, облюбовали вампиры?

Длинные ветки яблонь неожиданно вырастали из темноты ночи. Шуршали под ногами, похрюкивая, ежи – наверное, подбирали падалицу. Пролетела, планируя, сова. Вампир шёл передо мной и озирался – боялся, должно быть, получить ляписный карандаш в бок.

Ряды яблонь поредели – тут, почти в центре сада, намечалась большая поляна – несколько деревьев засохли очень давно и самостоятельно, несколько других обломали мальчишки и устроили нечто вроде футбольного поля.

Но они играли днём, а сейчас, ночью…

Впереди горели яркие красные точки. Попарно. Одни стояли на месте, другие перемещались: вправо-влево, вверх-вниз – вставали, садились, ходили. Это были глаза вампиров, собравшихся на поляне.

Вдруг вспыхнул свет – и откуда они подтащили прожектора? Охота была возиться!.. Я и в инфракрасных лучах неплохо вижу. Значит, ждали они меня…

Вампиры стояли ровным полукругом. Очень удобно. Было их не более тридцати. Стояли молча, будто чего-то ждали. Но недолго – откуда-то из-за их спин вышла дама в роскошном одеянии: ниспадающий серебристый плащ до пят, сверкающая диадема с большим огненным рубином во лбу. И ярко-алые глаза, образующие с диадемой правильный равносторонний треугольник.

– Привёл? – презрительно спросила она, не глядя на шедшего со мной вампира, а пронзительно уставясь на меня: в глубине её глаз вспыхивали искры. Мой невольный провожатый упал перед ней на колени и уткнулся лбом в землю:

– Смилуйся, великая Магра! – заголосил он, – Я не сумел…

– Ясно, – мрачно оборвала она, – мы и не надеялись. Ты должен был заманить его сюда…

– Ну, что, – обратилась она ко мне, и губы её презрительно скривились, наверное, изображая кавычки, – "борец с вампирами", настал твой последний час…

– Час – это так много, – пробормотал я.

– …Со всеми тебе не справиться, – продолжала она, – ты один. Мы убьём тебя… или сломаем – раз ты не человек.

При последних словах вампиры достали из-за спины тяжёлые дубинки. Грозное оружие…

Всю её речь я простоял, скрестив руки на груди – картинная поза, не правда ли? Очень удобна, если нужно достать обоймы из подмышек.

Я не стал говорить ответных речей – я считаю это пошлостью. Просто выхватил автоматные магазины, как только смог нащупать, с одинаковым лёгким щёлканьем вставил себе в предплечья. Затем сжал кулаки и завернул кисти рук внутрь, отчего сразу стал похож на насторожённого богомола: обнажились чёрные отверстия стволов, и две смертоносные… чуть не сказал "свинцовые"… серебряные струи полоснули по стоящим передо мной тварям.

Стояли они почти равномерно – чтобы не мешать друг другу убивать меня, рассредоточились – и это было очень удобно для стрельбы: я вёл очереди с двух сторон, на микромгновение останавливая стволы прямо напротив сердца очередного вампира – чтобы сэкономить патроны, серебряные ведь. Тонкие иголочки пуль вылетали из стволов и, пронзив черноту ночи, исчезали в черноте вампирьей груди. Быстро достигали сердца, а там разворачивались – то лилией, то тюльпанчиком, то розочкой, а то просто цветочком сирени. Обычные, не разрывные пули на таком расстоянии просто пронзили бы их насквозь. Да и не на всякого вампира годятся обыкновенные пули.

Смолк треск выстрелов, и последний обтюратор вылетел наружу – патроны у меня безгильзовые, для меньшего веса. Двадцать девять вампиров лежали вповалку на траве, выронив, – или наоборот, крепко сжимая в судороге – так и не пригодившиеся им и предназначенные для меня дубинки. Но не было среди них Магры – принцессы, руководительницы, повелительницы – или кем она являлась для них? И не потому, что я пожалел её, прельстившись красотой, и не из желания захватить в плен оставил в живых – хотя было такое желание, было. И не из опасения испортить её шикарное одеяние не выстрелил я в неё – сереб-

ряные иглы проскочили бы между двумя нитями, не повредив, а пороховые частицы такое расстояние не пролетели бы. А спасла её её дьявольская реакция – кошачья реакция, можно сказать, потому что она, едва я начал стрелять, мгновенно обратилась в кошку. И ещё то, что стояла она в самом центре полукруга из вампиров. У неё было время превратиться в кошку и удрать – я не хотел сбивать прицел ради неё, уж слишком хорошо они все стояли, а то потом пришлось бы ловить каждого по одному.

И в какую кошку! С огорчением я увидел, что она была именно той кошкой, которую я повстречал на станции переливания крови. А ведь была мысль убить её тогда – зря не послушался, интуиция никогда не подводит.

Стрелять вслед было бесполезно – она метнулась сначала за спины недостреленных вампиров, потом за прожекторную установку, за ствол яблони… Я кинулся вслед за ней, но она исчезла окончательно.

И что мне оставалось делать? Только одно – надеяться на то, что, может быть, удастся когда-нибудь встретиться ещё, и что уж на тот раз встреча будет более удачной для меня…

Я оглядел поле сражения – никто не шевелился – бросил визитную карточку – она четким прямоугольником забелела в траве – и ушёл.

Комариная история

Парк был чист. Я обошёл все аллеи и не нашёл ни одного вампира. "Может, я слишком рано пришёл?" – подумал я, присаживаясь на скамейку у реки и глядя на ночную струящуюся воду. – Да нет, время вроде обычное. Неужели я уничтожил всех вампиров в городе? Тогда придётся переселяться. Или они поняли, в чём дело, и теперь будут готовить на меня покушение? А это значит, что вампиры не работают в одиночку, у них есть организация… может, даже партия… или государство…"

И снова толкнуло в память воспоминаниями, и чей-то глухой голос – может быть, даже и мой: я никогда не слышал себя со стороны, даже на магнитофоне, и потому не могу ни за что ручаться – произнёс: "Не организация, не государство – мир. Мир вампиров…" И потянулись одна за другой картины мрачных полей, лесов, рек – под тусклым пасмурным небом, сквозь густую пелену облаков которого никогда не проглядывало солнце; городов и деревень, столь же тёмных и мрачных и сплошь населённых вампирами. И каким-то образом они могут проникать к нам, в наш мир… и в другие миры – чтобы попить тёплой, живой, свежей крови, которая может быть лишь у людей, что видят солнце. Всё равно любому организму – человечьему или вампирьему – требуется солнце. Вампиры пытаются таким образом возместить его отсутствие – пия кровь людей, которые видят солнце. Но люди не могут смириться с тем, чтобы поддерживать чужую жизнь, теряя собственную. Вампиры – паразиты, а с паразитами надо бороться…

Проходящая мимо парочка прервала несущуюся у меня перед мысленным взором цепь мрачных картин.

– Комаров что-то много сегодня, – произнесла девушка, звонко ударив себя по щеке.

– Должно, к дождю, – густым баритоном отозвался парень.

Процокали и затихли каблучки – наверное, сели на соседнюю скамейку. Мысли мои потекли в другую сторону. Комары. Естественные мини-вампиры, к которым люди привыкли. Но комары включены в экологическую цепочку – ими питаются птицы… Интересно, какие у комаров отношения с вампирами? Согласно теории борьбы видов за существование, должны конкурировать друг с другом. Ненавидят ли вампиры комаров? А может, наоборот, у них симбиоз – комары могут отвлекать внимание жертвы… Комары – это домашние животные вампиров… И дальше мои мысли понеслись в этом направлении – я дал волю фантазии – есть ещё слепни, оводы… В воде – пиявки. И летучие мыши-вампиры, что пьют кровь человека и других домашних животных.

Я представил себе приусадебное хозяйство престарелого вампира, который встаёт рано вечером, выпускает из хлева летучих мышей-кровопийц, тучи слепней, оводов и комаров, потом подходит к садку с пиявками, после чего выходит в сад пропалывать кровожадную росянку…

Мимо меня пролетел комариный рой. Всё ещё находясь под воздействием собственных мыслей, я машинально проводил его полёт затуманенным взором – рой скрылся за ближайшей купой деревьев – и тут меня словно наэлектризовало, я даже привстал. Комары – роем? Я принялся лихорадочно вспоминать, летают ли комары роем… Кажется, только комары-плясуны, да и то лишь днём над навозной кучей…

Второй комариный рой пролетел мимо и скрылся в том же направлении. И тут уж я вскочил и бросился в погоню. Они летели быстро, но я мог идти ещё быстрее. Единственной серьёзной помехой на моём пути была аллея роз – не желая помять цветы, жалея их, я некоторое время бежал вдоль, потом решительным скачком перелетел через, и помчался за комарами, сокращая расстояние.

Немногие встречающиеся парочки бросали на меня недоумевающие взгляды – часть я долго ощущал затылком – и никому, ни единому человеку не пришло в голову, что комары-то роем не летают, а уж если и произошло такое событие – значит, оно является лишь прелюдией к другому событию, а может, событиям. Я чувствовал, что такое скопление мелких кровопийц не случайно. Да и, к тому же, если мне сегодня нечего делать, почему бы и не проследить за комарами?

Комары летели по прямой, а мне приходилось выписывать зигзаги, обегая препятствия, которые нельзя перепрыгнуть, и перепрыгивая те, которые нельзя обежать. Как раз пошли индивидуальные коттеджи, и мне пришлось – как я ни не хотел – пересекать цветочные клумбы, грядки с петрушкой и сельдереем, морковкой и луком, перцем и картошкой. Хорошо ещё, что никого из хозяев не было рядом с грядками, и меня сопровождал разве что лай случайных собак, напуганных моим внезапным появлением. Но я уже не видел, вспыхивают ли в ответ на лай окна домов и выбегают ли из них с двустволками в руках взъерошенные заспанные хозяева.

Бежать пришлось долго – до самой дальней окраины. И домик-то там стоял не очень казистый – так, избушка лесника. Или сторожка сторожа – наверное, когда строили коттеджный поселок, тут находились сторожа – чтобы стройматериалы не растаскивали. Да так и оставили, не снесли.

Маленькое окошко в домике было раскрыто, и комариный рой влетел туда. Я осторожно подобрался к другому окну, справа, побольше, и заглянул внутрь.

Внутри был вампир. Он лежал на высокой железной кровати с блестящими никелированными шарами, в которых тускло отражался слабый свет одинокой свечи, стоящей на грубо сколоченном деревянном столе. Лежал, широко разинув рот и сложив руки на огромном брюхе. А над ним вились комары.

Зрелище было необычайным: комары выстраивались в цепочку и на бреющем полете проносились над широко раскрытой пастью вампира. И каждый сбрасывал в неё капельку крови. Когда уровень крови чуть не сравнялся с зубами, и она почти потекла из углов рта, вампир длинно глотнул и снова раскрыл окровавленную пасть.

А мимо меня прогудел новый комариный рой.

"На поток поставили! – восхитился я. – Конвейер…" – И тут же настроение моё переменилось: "Чужими руками… то есть хоботками кровь загребает!"

Ярость тёмной волной поднялась во мне, и я почти не помню – до того всё произошло быстро, – как разбил стекло, проник внутрь сторожки и пронзил вампира, не успевшего подняться с кровати, осиновым колом.

И только после проведенного возмездия заметил то, чего не смог увидеть из окна: в комнате стоял блестящий хромированными деталями электронный прибор, ощетинившийся антеннами, на верхней крышке которого перемигивались красные и зелёные светодиоды.

Прежде чем вылететь из комнаты, все комары несколько раз облетали вокруг прибора. То же проделывали и комары, влетавшие в окно. Над прибором поэтому крутились две серые спирали: одна по часовой стрелке, вторая – против.

"Сам сделал, что ли? – подумал я. Но отделка смотрелась явно заводской, да и на табличке под тумблером включения виднелась надпись, выполненная на непонятном мне внеземном языке. "Вот и весточка оттуда", – подумал я, и, протянув руку и щёлкнув тумблером, выключил прибор.

Комары, словно избавившись от злого наваждения, победно запели – их тоненький звон тотчас наполнил комнату, – и радостно вылетели в окно, навстречу свободе.

В этом мире хочется жить

Розовый нектар сочился из венчика цветов. От благоуханных запахов кружилась голова.

Золотые солнечные лучи преломлялись маленькими радугами в частых капельках росы, жемчужно усеивающих нежно-зелёные листья.

Веселый звон ручьёв доносился с земли, а из-под облаков спускались звонкие трели порхающих в вышине птах.

Лёгкий тёплый ветерок бережно качал ажурные листья, убаюкивая сидящих на них разноцветных бабочек и прозрачнокрылых стрекоз.

– В этом мире хочется жить! – прошептала Марыля. – Какой он замечательный!

– Этот мир создан специально для тебя! – прошептал ей в ухо тихий ласковый голос.

И тотчас же прекрасная музыка полилась неведомо откуда, ничуть не заглушая пенья птиц и журчания ручьёв, но лишь дополняя и усиливая их звучание, словно включая в свой загадочный оркестр.

– Для меня? – удивилась Марыля.

– Да. Ты ведь мечтала о таком?

– Всегда!

– Ты хотела, чтобы вокруг было много цветов, чтобы от них струились приятные ароматы?

– Да, да, да!

– Я услышал твои мечты и сделал в точности всё так, как ты хотела.

– А здесь есть реки, текущие молоком и мёдом? – спросила Марыля.

– Есть. Только они немного подальше. Если хочешь, мы пойдём вместе с тобой, и ты посмотришь…

– Потом, потом! Тут так хорошо!

– А будет ещё лучше! Здесь всё будет так, как ты захочешь. Стоит тебе пожелать что-нибудь – и ты получишь всё! И даже больше…

– А здесь есть маленькие ласковые зверушки?

– Сколько угодно! Они очень забавные и весёлые. И у них такая гладкая шёрстка, что хочется гладить и гладить их, не отрываясь.

– Я хочу! Хочу их увидеть!

– Не торопись. Ты хочешь вернуться домой?

– Нет. Что мне там делать? Я там никому не нужна… Там плохо. Там слишком много людей, и они мешают друг другу. И… там грязно! Все пачкают, и никто не убирает.

– Бедное дитя, – прошептал голос. – Значит, ты согласна остаться здесь навсегда?

– Да… Но… а когда я вырасту, этот мир изменится?

– Этот мир не меняется никогда. И ты не вырастешь. Ты останешься такой, как сейчас.

– Всегда бродить по лесам и полям, питаться сладкой манной, пить из рек молоко и мёд… – прошептала Марыля.

– Ты хочешь остаться?

– Да…

– Тогда выпей нектар из этого цветка. И мир навсегда станет твоим. Он не может существовать сам по себе. Всегда должен быть кто-то, кому он понравится и кто захочет остаться здесь… Только так и можно поддерживать его существование… и моё…

Марыля уже не слушала голос. Она поднесла ко рту чашечку цветка, полную густого ароматного нектара, от которого струился неземной аромат, и отхлебнула. Самую малость.

И тут же рухнула наземь, бездыханная.

– Да, – с горечью прошептал голос. – В этом мире хочется жить. Но нельзя.

Глобальный сервис

Джонабилл Хьюсбергсон проснулся и нажал кнопку.

Тотчас его тело исчезло с занимаемого роскошного ложа и материализовалось… Кто знает, где оно материализовалось? Может, за миллионы и миллионы километров от этого места, а может, в соседнем здании. Точный адрес знает только Служба Специализированного Сервиса, а она умеет держать в тайне своё местонахождение, равно как и местонахождение многочисленных вспомогательных служб. Клиенту знать это совершенно необязательно. Зачем? Достаточно того, что он получает все предусмотренные договором услуги в полном объёме. Детали же ему знать не следует, поскольку многие являются профессиональными секретами и коммерческими тайнами.

Итак, едва Джонабилл Хьюсбергсон очутился… там, где положено, его первым делом окружили аппаратами для дефекации, деуринизации и депиляции. Сделать это самостоятельно клиент уже не мог – но не по причине немощности и дряхлости, а вследствие отсутствия каждодневной самостоятельной практики.

После совершения главного дела, работник Службы Специализированного Сервиса включил ещё несколько агрегатов и устройств, которые последовательно (а то и одновременно) подстригли у сэриньора Джонабилла волосы в носу и ушах, отполировали и покрасили все имеющиеся ногти, провели интенсивный трёхмерный глубокоуровневый массаж и перешли к работе на тренажёрах.

О нет, то были не обычные биоэлектрические нейростимуляторы с обратной связью на уровне третьей сигнальной системы! То были новейшие темпоральные биотренажёры, оснащённые полиходовыми передачами с девяносто девятью степенями свободы в каждом из двухсот тридцати шести известных к тому времени измерений, с перманентной корректировкой сплошности временного потока и синхронизацией сознания клиента с Мировыми линиями псевдоструктуры Коллективного бессознательного.

За тренажёрами подошла очередь водных процедур: душ Шарко, ионный душ, эфиромасляный душ с ультразвуковым диспергированием, изотопный душ, обливание полированными тахионами…

Соображения экономии заставляли создавать крупные Службы Специализированного Сервиса. Техника усложнилась настолько, и стоимость её возросла столь высоко, что лишь самые крупные компании могли себе позволить купить один или максимум два аппарата. А в ССС оборудование использовалось наиболее эффективно. К тому же содержать в штате узких специалистов могли далеко не все компании. А время широких специалистов давно миновало: досконально усвоить все правила пользования и обслуживания сложнейшей техники один человек был попросту не в силах.

Вы спросите: а где же работал Джонабилл Хьюсбергсон, что так неспешно принимал вышеперечисленные процедуры?

Неужели вы думаете, что человек, который может себе позволить подобное, должен где-нибудь работать?

Идентифицируйтесь!

Мужик бормотал что-то непонятное. Пьяный? Не похоже. Руки не дрожат, и глаза не посоловели. Сумасшедший? Маловероятно: взгляд не безумный. Тогда что происходит?

Виталий тряхнул головой и попытался сосредоточиться на голосе. Тьфу ты! Да это же англичанин: речь, как будто сквозь горячую кашу. Что он бормочет?

– Мистер, подскажите, пожалуйста, как пройти…

– No problem!.. – и Виталий объяснил попавшему в затруднительное положение англичанину, как тому скорее оттуда выбраться. На чистейшем английском языке. Хотя у самого англичанина проскальзывали уэльские интонации.

Твердый горох незнакомых терминов рассыпался по бетонным плиткам тротуара. Виталий прислушался, пытаясь определить область науки, включающей данную дисциплину, но стайка студенток уже миновала его, и включиться в разговор не удалось. Тем более что они спешили на экзамен.

О! А вот это интересно: два кота выстроились друг перед другом в наглядной демонстрации собственного преимущества. Но здесь включиться намного легче: видно, кто ведёт диалог, и поэтому проблем с трансляцией не возникало. Виталий постоял минуту, надеясь услышать хоть что-то новое для себя, но, кроме традиционных ругательств и поношений, коты ничего не отпускали.

Разочарованный, Виталий продолжил путь. Хотя бы пару эпитетов! Да, звери намного примитивнее людей, много у них не возьмешь.

То же самое относилось и к пересвистывающимся стрижам: погода, кормёжка, усталость – вот, собственно, и всё. Это давно известно.

Стоп! Снова этот шёпот. Уже который день, а то и ночь, подряд. Откуда он берётся? Невозможно определить источник. То ли идёт снизу, и тогда может быть чем угодно – начиная от попыток подземной цивилизации связаться со своими надземными собратьями, переговоров чертей в пекле или даниилоандреевских обитателей инфрамира – и вплоть до шёпота самой Земли, которую многие полагают живым существом.

А если сверху – то шёпот звёзд, в котором некоторые пытаются уловить голоса неведомых пока инопланетных существ. Впрочем, снизу тоже звёздный шёпот может проходить, сквозь землю.

А может, шёпот голосов потусторонних, параллельных миров – эти могут находиться бог знает где: и справа, и слева, и сверху и снизу. Или же он представляет собой вообще нечто невообразимое. Откуда, из каких измерений он доносится? Виталий не знал, и, значит, не мог идентифицировать шёпот. А поскольку не мог соотнести хоть с чем-нибудь более-менее известным, то не мог и понять, что шепчут.

А понять хотелось. Вдруг шёпот предупреждает о чём-то? Или хочет поведать важную тайну? Сообщить грандиозное открытие? Рассказать о минувших веках, или, наоборот, о будущем?

Виталий давно открыл в себе свойство понимать всё, что слышит, если мог разобрать звуки, определить, с чем можно соотнести услышанное, идентифицировать его. Если он слышал звуки незнакомой речи, и знал, что говорят, к примеру, на хинди, у него в мозгу что-то щёлкало – и он начинал понимать всё, о чём говорится. Если улавливал из разговора, что речь идёт о проблеме в области офтальмологии, или сепарации газов, то свободно мог поддержать любую беседу, обсуждение любой проблемы. Причём на таком уровне, что говорившие обязательно признали бы в нём коллегу. Когда знаешь, о чём говорят, поддерживать разговор не сложно.

И это не было чтением чужих мыслей: мысли у Виталия всегда возникали свои. Достаточно оригинальные, свежие и новые. Причиной тому была хорошая память и умение логически объединять два любых, казалось, совсем не связанные между собой понятия, вроде циклона над Ямайкой и автоаварией в Южном Бутово. Он воспринимал мир как единое целое, оттого связи между отдельными элементами мира виделись ему достаточно отчётливо.

Он мог находить утечку газа из подземных магистралей, выводя её из недовольства тех же котов, которые, морщась, ругались, что "воняет!".

И чем больше он узнавал, тем легче становилось понять новое, тем легче идентифицировать увиденное и услышанное. Ведь объём знаний увеличивался, следовательно, расширялась и зона поиска: было, из чего выбирать.

Для него не составляло проблем прочитать египетские иероглифы или фестский диск, узелковое письмо майя или рукописи на санскрите. Он легко разгадывал самые сложнейшие шифры, если знал наверняка, что послание зашифровано.

И всё же главная загадка оставалась: шёпот… Он не давал Виталию покоя. Главное, не было уверенности, что удастся когда-либо её разгадать.

Виталий ударился в изучение древних языков, хотя понимал, что никогда не сможет услышать их звучание. Но возможности изучать инопланетные языки до сих пор ни у кого не появилось. А так хоть оставался малюсенький шанс: вдруг удастся узнать что-то ещё, что позволит древним языкам зазвучать? Хотя бы по аналогии с известными.

Ведь, читая египетские иероглифы, Виталий сразу переводил прочитанное, не озвучивая надпись на том языке, на котором она делалась. Невозможно из вида начертанных значков вывести звучание древнего языка. Во всяком случае, пока невозможно.

Виталий сравнивал иероглифы нынешних японского, корейского, китайского языков с произношением, пытаясь вывести зависимость знака от звука. Он проделывал аналогичные операции со всеми современными языками… но ничего не получалось.

А желание разгадать тайну неслышимого шёпота оставалось. Ведь если звучит голос, значит, существует и его носитель. А поэтому, рано или поздно, удастся с ним встретится.

Сколь много ни знай, а всегда останется во Вселенной что-то непознанное…

Кривые спины

Когда-то, очень давно, жили-были в одной стране сильные и смелые люди. Они ходили не горбясь, гордо выпрямив спину.

Но вот однажды появился в стране князь. То ли сам откуда-то пришёл, то ли его люди позвали, потому что считали всех вокруг равными и не могли подчиняться кому-либо из своей среды. А тут вроде посторонний, ему подчиняться незазорно, пусть правит, пусть царствует. То бишь, княжит.

А князь оказался жутко честолюбивый. Да это не беда, а беда то, что не терпел он, когда кто-то ходит с прямой спиной. То ли потому, что сам был маленького роста, то ли рост его измерялся не в метрических мерах. То есть имеется в виду рост психологический. Мелковат оказался князь для народа.

Словом, начал князь потихонечку пригибать людей к земле. Одни оказались способны согнуться – была в них достаточная гибкость спины, а другие не смогли, и сломались. Всё шло строго по закону статистического распределения, согласно эволюции: она даёт полный спектр живых организмов, а выживают лишь наиболее приспособленные к конкретным условиям.

А князь всё гнул и гнул – не нравились ему прямые спины. И, в конце концов, добился своего: ни одного человека с прямой спиной в его королевстве – позже оно стало называться королевством – не осталось.

Князь, гордо выпрямившись, озирал море склонённых перед ним спин, мечтал как-нибудь пробежаться по ним из конца в конец, и тихо радовался. А может, и громко, но его никто не слышал: когда человек наклоняется, кровь приливает к ушам, и слух ухудшается. И зрение людей с кривыми спинами ухудшилось: склонённые могли рассматривать разве что носки ботинок. Ну, и ещё два-три метра вокруг. Ни о какой перспективе и речи идти не могло.

Но так продолжалось недолго: увидели враги, что все люди в стране ходят склонёнными, взяли да и напали на неё. И убили князя, ведь он в одиночку не мог обороняться от скопища врагов.

А люди с кривыми спинами так ничего и не заметили. Им было всё равно, перед кем склоняться.

Небесная твердь

"Аэропорт закрыт. Ремонт неба", гласила надпись.

– Тьфу ты, чёрт! – ругнулся остановившийся чтобы прочитать написанное, мужичонка в соломенной шляпе, долгополой свитке, пестрядевых штанах, да берёзовых лаптях с онучами. Под уздцы он держал чалую лошадь, запряжённую в дровяную телегу. – А я хотел к брату съездить, на день рождения!

– А брат далеко живёт? – спросил вышедший из ворот другой мужичок, неспешно плевавший семечки. Одет он был почти так же, только вместо лаптей на ногах имел смазные сапоги. Впрочем, видавшие виды и потому украшенные не одной заплаткой.

– В соседней деревне.

– Тогда поехали. Моя лошадь засеклась, а городская полоса ещё не отремонтирована. Подвезёшь?

– Что за разговор? – обрадовался мужичонка. – День рождения не перенесть!

– Заезжай! – вышедший из ворот распахнул обе створки.

Телега въехала во двор аэропорта.

– Тебя как зовут-то? – спросил распахнувший.

– Крисп. А тебя?

– А меня Бэвлин.

У ворот на лужайке мирно паслась саврасая лошадь, и лишь когда пыталась сделать шаг, чтобы подобраться к особо вкусному пучку травы, становилось видно, что лошадь хромает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.